

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

9

СЕЗОН АКУЛ

17

СЕЗОН КИТОВ

93

СЕЗОН ЛАСТОНОГИХ

171

СЕЗОН ПТИЦ

269

Эпилог

345

Благодарности

355

ПРОЛОГ



тицы издают боевой клич. Миранда видит, как несколько чаек описывают в небе дугу и направляются прямо к ней. Белые перья. Блестящие клювы. Шальные глаза. Она не понаслышке знает, на какую жестокость способны чайки, и угадывает их умысел. Птицы выстраиваются в боевой порядок и окружают ее, как бомбардировщики, заходящие на цель.

Миранда идет к парому. На подъеме она прибавляет шаг, рюкзак раскачивается за плечами. Паром опаздывает, и это ее не удивляет. Он всегда опаздывает. Трудно найти на островах что-то постоянное этих опозданий.

Плеск волн заглушает все остальные звуки. Сегодня архипелаг окутан туманом. Летом в этих краях туман частое явление. Здесь не бывает золотистых послеобеденных часов и ласкового солнца, дарящего возможность позагорать. Горизонта не видно, и солнце висит на небе тусклой вертушкой. Миранда поскальзывается и едва не теряет равновесие на осыпающейся каменистой тропе. Как бы ей ни хотелось поскорее покинуть остров, под ноги приходится смотреть очень внимательно. Ей мешают идти гнезда и птенцы. Чайки укрывают землю как снег, занимая каждый миллиметр травы и гранита. На их фоне фигура Миранды выглядит чужеродной, как одинокая сосна в белом поле.

Птицы не просто безмолвно присутствуют в кадре. Они шелесят крыльями. Птенцы пронзительными криками требуют пищу. Их родители возмущенно орут в ответ. Время от времени вспыхивает спор за территорию, и вот уже хлопают крылья и разлетаются брызги крови. Миранда тоже не застрахована от проявлений фанатичного ревнивого беспокойства чаек. С момента выхода из коттеджа каждый ее шаг отслеживают несколько птиц. Они могут наброситься в любую минуту: крылья раскинуты, глаза блестят. Они все ближе и ближе.

Но Миранда хорошо подготовилась. Она надела плотные кожаные перчатки, чтобы чайки не искушали ей руки. На каждой лодыжке ошейник от блох защищает кожу от пухопероедов. Рот и нос прикрыты маской, которая не пропускает мощный аммиачный запах, что исходит от гуано. На голове Миранды громоздится защитная каска, а под ней спортивная вязаная шапочка, дополнительно смягчающая удары. Кроме того, Миранда закутана в непромокаемую накидку, уже усеянную липкими каплями помета, который чайки, прицелившись, мечут в нее как снаряды. Когда паром причалит, она оставит все это на берегу. Скинет экипировку, точно шпионка, переодевающая конспиративный костюм: она стягивает парик, вынимает фальшивые зубы, после чего отстегивает пистолет и уходит, в одно мгновение становясь ничем не примечательным человеком в толпе.

Она упаковала в рюкзак все свои вещи. Их осталось не так уж много. Коллекция ракушек. Перо тупика на удачу. Акулий зуб, маленький, с зазубренными краями. Странно после стольких месяцев уезжать отсюда почти налегке. Но материальное здесь долго не живет. Джинсы, которые Миранда привезла с собой, превратились в лохмотья. В книгах завелась плесень. Внутри

ортопедической подушки обнаружили залежи мышиного помета. Единственное, что не без усилий удалось сохранить при помощи водонепроницаемых контейнеров и максимальной избрательности, на которую она оказалась способна, — это три цифровые фотокамеры, одну широкоформатную и несколько коробок с не проявленной пленкой. Ее подлинны сокровища. Миранда фотографировала острова в разную погоду, при хрустальном зимнем солнце и в период диких осенних штормов. В архипелаге более дюжины островов. Она запечатлела на фото все до одного. Островок Шоколадная Крошка на фоне искрящегося океана. Тучную глыбу Сахарной Головы. Острова Пьяного Дядюшки, высывающие из-под воды свои лысые головы. А еще она фотографировала людей. Тех немногих, кто здесь остался. Эти кадры тоже есть у нее на пленке.

Нападение без предупреждения. Чайка ударяет Миранде в висок, заставляя ее споткнуться. Миранда вскрикивает, каска сползает на глаза. Крылья с силой колотятся об плечи. Чайке тоже досталось, она теряет ориентацию в пространстве и падает на землю. Миранда идет дальше. Потрясенная и растрепанная, она продолжает путь к парому. Она знает, что лучше не останавливаться здесь, на открытом пространстве. Тяжело дыша, Миранда взбирается на утес и наконец достигает самой высокой точки острова.

В сорока футах от берега начинается плотная стена тумана. Молочная дымка стелется над поверхностью океана прядями, которые напоминают завитки дыма над тлеющими углями. Миранда поправляет каску. Птицы теперь держатся на расстоянии, собираются группами, пересматривают планы. Они выкрикивают предупреждения и угрозы. Краем глаза Миранда видит, как птицы

зловещими тенями кружат неподалеку, исчезают и появляются вновь.

Затем над водой эхом разносится шум мотора. Его едва слышно сквозь вопли чаек. Миранда наблюдает, как нос парома прорезает пелену тумана. Его появление поражает своей дерзкой новизной, как шоу иллюзиониста. Кажется, что судно протискивается в мир из ниоткуда, из тумана, из снов. Почти невольно Миранда поднимает обе руки и отчаянно машет ими над головой. Паром еще слишком далеко, и невозможно разглядеть, машет ли в ответ Капитан Джо. Она смотрит, как судно приближается к берегу. Чайки с криками кружат у нее над головой. Они не собираются уступать. Они будут следовать своему коварному плану до самого конца. Миранда знает, что эти птицы сделали бы с ней, имея они такую возможность. Она знает, какие опасности таят в себе острова. Никому это не известно лучше нее.

Через полчаса Миранда уже на борту парома. Всегда, сколько себя помнит, она страдала морской болезнью. Вот и теперь она стоит, опершись на перила, и чувствует, что содержимое желудка поднимается и опускается вместе с раскачивающейся палубой. Миранда готова к отбытию, готова впервые за год покинуть острова. От побережья ее отделяют двадцать футов — и целый мир. Капитан Джо шныряет по палубе, занятый загадочными корабельными делами: он отвязывает веревки, дергает за рычаги, проверяет надежность запоров. Когда паром отчаливает, океан поворачивается вокруг своей оси. С этого ракурса вся панорама преобразается: острова мельчают, туман обращается в мягкую завесу, птицы кажутся безобидными и изящными, как бумажные журавлики. Миранда задерживает дыхание, настолько непривычно ей это ощущение безопасности.

Она избавилась от противоблошинных ошейников, от накидки, каски и маски и все же с грустью осознает, что ее одежда (рабочие ботинки с металлическими носками, вязаная шапочка, мужская куртка, которую она стащила из коттеджа на память) выглядит не вполне нормально. Где угодно за пределами Фараллоновых островов ее наряд будет смотреться неуместно. В Калифорнии, куда она направляется, ее, скорее всего, примут за бездомную. Прохожие из жалости станут предлагать мелочь. Знали бы они.

Паром рассекает воду. Его пенный след тянется к берегу штрихованной дорожкой. Миранда намерена наблюдать за тем, как острова удаляются, пока туман полностью не поглотит их. Архипелаг — скопление небольших островков, крошечная россыпь, крапинки на карте. Из них только остров Юго-Восточный Фараллон хоть сколько-нибудь пригоден для проживания человека. Там есть покрытое зеленью плато, на котором разместился коттедж, а еще маяк, лодки и два невысоких дерева с дружески переплетенными кронами, гордо противостоящие ветру. Вокруг этого центрального острова разбросаны в море голые каменные изваяния очень малых размеров, непригодные для растительной жизни, истерзанные прибойными волнами и покрытые узорами из морских желудей. Паром все удаляется от берега, и Миранда закусывает губу. Где-то в глубине души она надеется в последний раз хотя бы мельком увидеть на краю утеса силуэт человека, желающего проводить ее и помахать рукой на прощание. Но после всего случившегося надеяться на это глупо. На утесе никого нет. Острова кажутся необитаемыми. Маяк мощной черной громадой выступает на фоне облачной гряды. Коттедж почти не виден, его скрывает склон холма.

Волны растут, раздуваются под корпусом корабля. В поле зрения, покачиваясь, всплывает Седловая скала, она кишит морскими

львами, которые или дремлют вповалку, или смешно прыгают по береговой полосе. Вскоре паром достигает стены тумана. Из рубки доносится пение Капитана Джо, ветерок подхватывает веселую мелодию. На глазах у Миранды острова становятся зыбкими и эфемерными. Дымка сглаживает острые углы, размывает контуры. Миранда прищурившись вглядывается в пелену тумана, в последний раз рассматривает побережье. На мгновение она ощущает себя кораблем, который из всех сил тянет якорную цепь. Последние двенадцать месяцев приковали ее к архипелагу железной цепью. За это время она изменилась, как меняется судно, долго пришвартованное к причалу: разъеденный и избитый прибоем корпус, выпачканный и измятый до полной неузнаваемости. Теперь Миранда чувствует, что цепь начинает растягиваться. Дальнейшее движение причиняет боль. Наконец цепь с силой разрывается надвое. Когда эти путы спадают, Миранда едва не теряет сознание.

Весь прошедший год она каждое утро слушала, как искусно Гален плевком попадает в раковину. Стояла у плиты с Шарлин, хихикая над тем, как они обе ежедневно добавляли в сковороду с яичницей из яиц кайры все имеющиеся в кладовке специи, а привкус рыбы все равно не исчезал. Миранда тысячу раз ходила на прогулки по острову в компании Мика. Ждала у входной двери, пока Форест тщательно завязывал шнурки на ботинках, минут на десять дольше остальных, как будто от каждого правильно завязанного узла зависела судьба всей планеты. Миранда знает все их причуды и странности. Знает, как Гален смеется, зажмуриваясь и так широко открывая рот, что видно сразу все его пломбы. Как Люси часами напролет напевает во сне, и в тишине это слышно каждому обитателю коттеджа. Она знает запах пота Эндрю, землистый и острый. Знает до миллиметра размах белых рук Мика.

Она больше никогда не увидит никого из них. И в каком-то смысле даже этому рада.

Плыть еще долго, Миранда снимает шапку и как может расчесывает спутанные волосы. Кое-как справляется с пугающим судовым туалетом. Осматривает фотооборудование. Кто-то дает имена своим автомобилям как любимым объектам, наделенным индивидуальностью. Миранда всегда дает имена фотокамерам. Лучший в ее выводке — Алмаз. Это широкоформатная камера, в которой столько режимов, что даже Гален и Форест бывали сбиты с толку. Они любили повозиться с настройками Алмаза, стоило только Миранде отвернуться. Этот гигант, как чересчур деятельная пчеломатка, отложил сотню кассет с фотопленкой и ожидал появления детенышей на свет в темной комнате для проявки. Вторую камеру зовут Чарльз, весьма древний экземпляр. Лучше всего ему даются снимки утром и вечером, когда небо горит золотом, а воздух наполнен светом. Чарльз навязывает окружающему миру собственное видение. Оставшиеся два аппарата (Гремлин и Жаба) — цифровые зеркальные камеры, простые в обращении, пафосные и дико дорогие. К своим камерам Миранда относится с большой нежностью, как ласковая мама. Помнит дни рождения, даты приобретения каждой из них.

За прошедший год она потеряла двух детенышей. Две жертвы островов. Их звали Котик и Злодей. Они сгнули навсегда.

Теперь Миранда направляется в укрытие палубной рубки. Располагается на скамье. За окном тот же густой туман, он все не рассеивается, окутывает паром со всех сторон, как рулон ваты. Весь мир за пределами судна свелся к слуховым образам: туманный горн, плеск волн, крики чаек. Теперь уже издалека. Мелодия, звучащая вдали.

Миранда тянется к рюкзаку и достает конверт из плотной оберточной бумаги. Пухлый шуршащий конверт. Она переворачивает его, и на колени летит белая бумажная метель. Разлинованные странички, вырванные из блокнотов. Бумага для принтера, с обеих сторон исписанная ее почерком. Миллиметровка, салфетки, вощеная бумага, взятая без спроса на кухне. На любой из бумажек почерк Миранды необычайно мелок, буквы напоминают муравьев, бегущих в ряд. Бумаги на острове всегда не хватало. Ей приходилось по максимуму использовать каждый клочок. В зимние месяцы Миранда вырывала страницы из журналов и писала на полях. Пригождались и старые чеки с поблекшими от времени чернилами, теперь и по ним бежали строчки Мирандиных записей. Она не пренебрегала даже туалетной бумагой. В конверте из мантильской бумаги хранилась ее работа за целый год.

Аккуратно перебирая записки, Миранда раскладывает их у себя на коленях. Существует определенный порядок, хотя никто, кроме нее, об этом бы не догадался. Кто-то увидел бы в них не более чем каракули сумасшедшей. А может быть, поэзию этих мест. Миранда находит запись, сделанную солнечным сентябрьским днем. Потом длинное отчаянное осеннее письмо, почерк в котором почти нечитаем. Страницы, заполненные в дождливую неделю после Дня благодарения, до сих пор отдают сыростью. Вот записи, сделанные в декабре, марте, весной, летом.

Возможно, здесь она не отыщет ответа. Возможно, объяснение тому, что с ней произошло, никогда не будет найдено. Но это ее последний шанс что-то понять. Мотор парома гулко и монотонно стучит. Вдалеке, как плачущий младенец, причитает чайка. Несколько мгновений Миранда сидит опустив голову. А потом начинает читать.